

ФРАГМЕНТЫ БУДУЩИХ КНИГ

И.В.Забаев

МОТИВАЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЭТИКЕ РУССКОГО ПРАВОСЛАВИЯ

Проанализируем несколько типов хозяйственных практик, используя такие категории экономической социологии, как мотивация хозяйственного действия и социальные сети.

Духовничество как нравственное ядро хозяйственных практик

Воздействие на актора элементов хозяйственной этики современного православия лучше всего понимается посредством духовничества. С одной стороны, это феномен чисто духовный, представляющий собой связь между духовным отцом (священником, монахом) и сыном (монахом или мирянином). Их отношения описываются категорией послушания. (Понятно, что послушание не регламентирует всю жизнь мирянина, имеющего духовного отца, но в идеале направлено на это.) С другой стороны, окормляемый может советоваться (и советуется) с духовным отцом по любым вопросам. Практика духовничества, по-видимому, не прерывалась на протяжении русской истории.

Непосредственно с духовничеством связано еще одно характерное для России синодального периода явление — старчество. Отцом российского старчества нового времени считается свт. Паисий Величковский (1722–1794), которому принадлежат различные труды по православной аскетике. Старец Паисий оказал влияние на русское монашество и через своих учеников, например, Федора Санаксарского, и далее (через него) — на старца Леонида (Наголкина), основателя старческой линии в Оптиной пустыни.

"Старчество как духовное руководство подразумевает завет, союз старца и ученика, в соответствии с которым старец берет на себя попечение о спасении души своего ученика, последний же тело и душу предает своему наставнику" [Кучумов 2002; 231].

Со стороны духовного сына главным отношением к старцу является послушание, подчинение своей воле воле старца. Старцы отличаются от обычных духовников присутствием у них, в силу большего религиозного опыта и преуспевания в деле "стяжания духа святого", различных сверхъестественных даров: прозорливости, врачевания, молитвенной силы, способности изгонять бесов и др.

* Глава из книги кандидата социологических наук, социолога-аналитика ВЦИОМ И.В. Забаева "Основные категории хозяйственной этики современного русского православия".

Обратимся непосредственно к хозяйственным аспектам практики духовничества. Сначала приведем несколько примеров из разных источников. Так, Н. Митрохин приводит фрагмент интервью с человеком, рассказывающим про О. Наума, духовника Троице-Сергиевой лавры. В интервью и последующем тексте Митрохина описывается, что за счет своего положения о. Наум обладает довольно значительной хозяйственной властью:

"Если бы Вы знали, какой он труженик. Вот, к примеру, монастырь в Новосибирске, в который он отправляет множество ребят, обездоленных и потерявших себя. Сколько оттуда грузовиков с луком в Москву пришло, сколько стройматериалов туда ушло. Поэтому к нему столько людей без очереди и идет — не просто так, а решать конкретные вопросы. Что, куда и как" [Митрохин 2004; 100].

В православной литературе часто можно встретить ссылки на рекомендации того или иного священника, данные мирянину и связанные со сменой места работы или оставлением ее вовсе. Вот, например, описание практически первой встречи одной профессиональной скрипачки с духовником:

"Вспомнила его слова: "Сестры, послужите Богу! Чем занимаетесь? Вы должны воспевать Господа, а не играть на инструментах и тешить лукавого". — "Батюшка, ну, как же можно бросить, как? Вы не представляете, какая у меня скрипка! — простонала я. — Это же не худшая профессия, все-таки прекрасному служу, а Красота — одно из имен Бога. Я исключительно Бахом занимаюсь, стараюсь исполнять одну духовную музыку, на моих концертах люди плачут. У меня такая скрипка..." — и чувствую, все доводы у меня из рук сыплются, как песок. Я судорожно пытаюсь ускользающее удержать. "Да, Елизавете Феодоровне не то пришлось бросать, что тебе. Не какую-то скрипку — всю Царственную жизнь. И другие немало имели и ради Господа все оставили. Я тебе не то что категорически запрещаю..." Но, конечно, это было благословение старца: оставить все" [Пасхальная 2003; 13].

После некоторого периода колебаний женщина оставила карьеру музыканта, рассталась с оркестром, несмотря на то, что для нее были сделаны программы концертов и по всей Москве уже были расклеены афиши. Приведем еще пример из данного исследования. Один респондент в интервью сказал следующее:

"Я работал в строительстве, и у меня неплохо получалось. За короткое время я достаточно быстро вырос. И как-то пришел к батюшке, я уже тогда ходил в церковь. И он меня спрашивал, как жизнь, да еще разное. И про работу заговорили. И он мне говорит, чтобы я сменил работу. Ушел из строительства. Я говорю: зачем? И он говорит: иначе гордость погубит. Полезно сменить. Для смирения. Я не сразу решился. Как-то так все перевернуть. Тяжело было. Но сейчас понимаю, что к лучшему. Он прав был. Начнешь гордиться — все полетит" (Вадим, папаша, около 40 лет, Соловки).

Нужно заметить, что старец или духовный отец не обязательно запрещают какой-либо вид деятельности или требуют оставить внутримирскую деятельность. Напротив, духовники часто поддерживают прихожан как внутриконфессиональными аргументами ("может быть, таков промысел Божий и не надо ему сопротивляться", "такова воля Божья" и др.), так и внеконфессиональными.

Можно предположить, что по сходному сценарию, с центральной ролью представителей церкви, проходят и другие религиозно-хозяйственные практики, не связанные непосредственно с явлением духовничества. Например, молебны о дожде [Энгельгардт, 1999], вынос икон перед посевом [Носова, 1975], многодневные паломничества для того, чтобы оставить последние деньги в монастыре [Федоров, 1889], вклады в монастыри [Милютин, 1862]. Эти практики всегда были связаны с этикой. Более того, часть из них в какой-то момент оторвались от своих этических корней и свелись только к обрядовой практике.

Общая схема

Таким образом, мы можем сказать, что наши наблюдения в современных монастырских общинах Русской православной церкви и выводы, полученные по итогам анализа доктринальной и пастырской литературы современного русского православия, совпадают с тем, что описывают исследователи о практиках дореволюционного православия. Если современные хозяйственные практики и отличаются частично от дореволюционных, то в них, тем не менее, обнаруживается одна и та же мотивационная схема — схема, реализующаяся на практике и описывающаяся этикой¹.

Представить эту схему будет проще, сравнивая ее со схемой, описанной М. Вебером для протестантов кальвинистского толка. Протестантская схема состоит в следующем. Действующий (протестант) полностью оторван от Бога: Бог его не слышит, молитва к Богу не имеет смысла. Часть людей изначально предизбрана к спасению, и эта предизбранность проявляется в мирской жизни в виде благоденствия, успеха. Самой простой единицей для измерения благоденствия полагается при этом внешний достаток, легко выражаемый в денежном эквиваленте. Соответственно, кто благоденствует в миру, тот будет спасен. Далее Вебер предполагал, что каждый человек, находясь в такой ситуации, захочет проверить, предизбран он или нет. Способом проверить это является попытка честным трудом добиться благоденствия в этой жизни. Если человек успешен, значит, он избран. Таким образом, предельно простая схема (рис. 1) состоит в том, что хозяйство, является средством на пути к Богу (Спасению)².

Рисунок 1.

Мотивация хозяйственной деятельности в протестантизме

Протестантизм:

¹ Можно также утверждать, что присутствует преемственность современных православных текстов и идей, заложенных в них по отношению к дореволюционным.

² Сходная схема была отстроена в католичестве путем принятия нескольких важных доктринальных тезисов и упорядочения практики в соответствии с ними. Основной из них — тезис об апостольстве мирян и об относительной самооценности человеческой деятельности.

Совершенно по-другому устроена схема мотивации хозяйственной деятельности в религиозной этике русского православия. Действующий (православный христианин) воспринимает свою хозяйственную деятельность не как средство угодить Богу или достичь спасения. Он воспринимает эти две вещи достаточно независимо. Важно, что Бог при этом остается предельно значащей ценностью. Далее у православного христианина возникает вопрос — как нужно хозяйствовать в ситуации, если хозяйство и предельные ценности не являются связанными каким-то определенным образом? В этой ситуации у православного христианина, по сути, есть два основных варианта. Для обоих вариантов осевой является идея послушания.

*Первый вариант*³ — наиболее последовательный и логичный — это уход в монастырь. Хозяйство в этом случае чаще всего элиминируется или должно быть элиминировано. В данной ситуации актер не сталкивается с хозяйством в смысле распоряжения хозяйственной властью (М. Вебер). По крайней мере, до тех пор, пока он не будет поставлен на одну из руководящих позиций в монастыре (например, эконома или наместника). Вместо этого в этой ситуации начального пребывания в монастыре человек сталкивается с "трудовыми" операциями. Эти трудовые операции так и называются — "послушания". Послушание (как принцип трудовой деятельности) становится средством для спасения. Чтобы спастись, человек должен соединить свою волю с волей Божьей. Средством для этого является послушание другому — более опытному духовно: в случае трудников, паломников, послушников — чаще монаху, в случае наместника монастыря — епископу и т.д. Таким образом, исключение собственного целеполагания само по себе является средством спасения. В более сложных ситуациях могут иметь место обстоятельства, при которых совет более опытного духовно человека получить невозможно. Как тогда изменяется действие православного человека, в том числе хозяйственное? Важно здесь то, что и в этом случае собственное целеполагание остается нежелательным вариантом для православного человека. При отсутствии посредников, способных (будучи более опытными духовно) передать человеку Божью волю, он пытается "угадать" последнюю посредством каких-либо внешних обстоятельств. Для этого существуют две практики, в жизни сочетающиеся одна с другой и выступающие в виде своеобразной "формулы" для насельников православных монастырей. Первая практика — "молитва" — когда Бога просят послать "хлеба насущного", вторая — собственно "хозяйство" — когда для того, чтобы результат хозяйственной операции был удачным, также обращаются к Богу с молитвой.

Второй вариант выбора жизненного пути, состоящий в мирской жизни, по сути отличается только значительно более высокой степенью "внутримирской ответственности" актора в своей деятельности, в том числе, хозяйственной. Однако базовая мотивационная схема действия остается аналогичной первому варианту. Действующий православный мирянин, вынужденный хозяйствовать, не рассматривает хозяйство как средство спасения, угождения Богу в том смысле, что веберовский протестант. Конечно, иногда он приносит в храм или "кладет на канон" продукты своего хозяйства. Но они имеют совсем другой смысл. Основной смысл соотнесения Бога и хозяйства состоит в том, что православный христианин призывает Бога в помощь для того, чтобы его хозяйству сопутствовал успех. Именно таков смысл молебнов и крестных ходов от засухи или перед началом сезона и т.д. Именно в этом смысл многодневных паломничеств к святым и

³ Этот вариант представляет редуцированную схему, поскольку включает в себя не все позиции.

многих других явлений. Помимо "обращения" к Богу напрямую, используются и посредники — начиная от духовников и заканчивая просто старшими по статусу (профессиональному, семейному, какому-либо еще). Категории послушания, смирения и благословения и в этом случае остаются центральными.

Описанная схема не является завершенной. Выше мы зафиксировали отсутствие отношения к хозяйству как к средству на пути к спасению в русском православии и отметили, что православный мирянин призывает Бога в помощь для успеха своей хозяйственной деятельности. Скажем еще, что православный христианин в миру осязаемо сталкивается не с Богом (или не только с Богом). Он сталкивается с Богом через посредство Церкви. А если совсем конкретизировать, то он сталкивается со священниками, монахами, таинствами, культами и получает для своего диалога с Богом, с одной стороны, посредника, а с другой — видимые и осязаемые средства. Обращение к Богу производится через священника, монаха или святого (осязаемо представляющего святыми мощами и иконой). Более того, мирянин не может не обращаться к Богу с помощью указанных средств. Так, сегодня каждый православный христианин должен раз в определенный (достаточно непродолжительный) срок исповедоваться, причащаться и собороваться. Раньше (например, в синодальный период) он должен был также оплатить регулярные службы и молебны. Долженствование здесь связано не столько с внешним принуждением, сколько с внутренним побуждением к соответствующим действиям и состояниям.

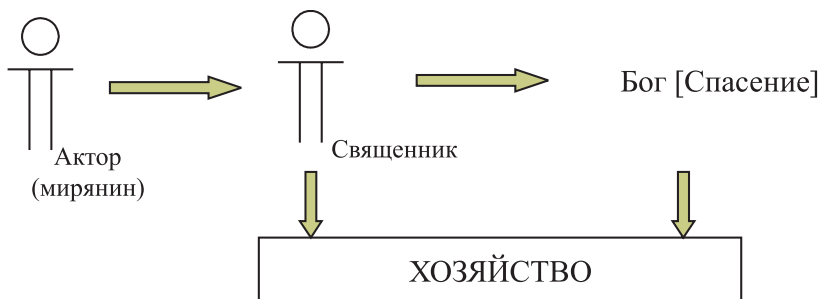
Таким образом, православная схема мотивации хозяйственной деятельности имеет следующий вид (рис. 2). Для православного мирянина, как бы грубо это ни звучало, Бог, представленный священником (Церковью, монахом, святым), является средством в его хозяйстве. Мы используем слово "средство" безо всякого морального оттенка, только в рамках определенных научных концепций, описывающих соотнесение различных благ и выбор между ними. Смысловым ядром схемы практик такого рода являются этические категории *смирения* и *послушания*. Именно они описывают роль посредника (Церкви) в этой схеме и идеальный характер коммуникации. Без отношения подобного рода описанная схема не могла бы сложиться. Причем для хозяйства в этой схеме предусмотрен очень маленький диапазон.

Более ярко и прямо указанные этические идеи проявляются в феномене духовничества, разобранным нами ранее, и в хозяйственных практиках, восходя-

Рисунок 2.

Мотивация хозяйственной деятельности в православии

Православие:

щих к нему, например, когда воля духовника определяет выбор профессии православного христианина⁴.

Хозяйственная этика православия через призму категории "социальные сети"

Концепции социального капитала и социальных сетей [подробнее см. Грановеттер, 2002, Пауэлл, Смит-Дор, 2003, Градосельская, 1999] позволяют зафиксировать еще некоторые оттенки православной этики хозяйства и описать еще один тип практик, непосредственно восходящий к идеям послушания и смирения. Если использовать указанные категории, то можно выделить как минимум два типа подобных социальных образований в православии.

1. Внутриепархиальная сеть священников по вопросу о приеме трудников

Социальная сеть первого типа связана с циркуляцией работников, задействованных в монастырском хозяйстве. Это сеть, включающая в себя (в свои узлы) настоятелей храмов и наместников монастырей, а также епархиальное управление в какой-либо губернии, особенно на неканонической для православия территории⁵. Мы не можем сказать, существуют ли подобные сети во всех епархиях, но мы столкнулись с ней дважды. Эта сеть выделяется (и нами, и самими акторами) по одному специфическому отношению: все коммуниканты ведут (пофамильный) учет прибывших к ним трудников/послушников. В случае нарушений внутри-монастырской дисциплины и удаления данного лица из обители (или его ухода), информация о провинившемся передается в другие узлы сети.

"У нас если человек сбежал с прихода, или провинился в чем сильно, или хуже — если украл чего — то мы сразу оповещаем другие приходы, чтобы не брали такого. Очень много людей в храм приходят не для молитвы, а что-нибудь унести из него. У нас послушник жил — около двух месяцев уже. Все его знали. Нормальный человек был. И пришел в свечной ящик, сказал: меня батюшка благословил, крестики ему принести на освящение. Нина и поверила, и дала. Он взял все и унес, ушел из монастыря. Два месяца человек жил! А таких, которые на день — на два приходят — их сколько..." (наместник одного из монастырей в Сибири).

Эта практика и сеть возникли в ситуации отдаленных епархий с малым количеством православных храмов и верующих (или "захожан"), что обеспечивает возможность такого учета. С одной стороны, в условиях наличия на территории большого количества учреждений пенитенциарной системы и присутствия в регионах проблемных социальных групп оказывается необходимым ограждать участников монастырской или приходской общины (плюс к тому, кассы приходов и

⁴ В связи с описанной схемой уместно вспомнить известное высказывание Ф.М. Достоевского: "Для смиренной души русского простолюдина, измученной трудом и горем, а главное всегдашней несправедливостью и всегдашним грехом, как своим, так и мировым, нет сильнее потребности и утешения, как обрести святыню или святого, пасть перед ним и поклониться ему... если у нас грех, неправда и искушение, то все равно, есть на земле там-то, где-то святой и высший; у того зато правда, тот зато знает правду; значит, не умирает она на земле, а стало быть, когда-нибудь и к нам перейдет и водворится по всей земле, как обещано" [Достоевский, 1981. С. 326–329].

⁵ Начиная с Уральского федерального округа и восточнее, особенно в Сибирском и Дальневосточном округах.

монастырей) хотя бы от тех социальных элементов, контакт с которыми несет опасность с высокой вероятностью. Однако обычные случаи подобной практики состоят не в кражах и других криминогенных действиях, а в нарушениях внутреннего распорядка, которые описываются наместником монастыря и управляющими монахами как отсутствие смирения и послушания. Таким образом, отклонение от нормы послушания делает доступ к сетевому ресурсу для данного актора невозможным (как правило, навсегда).

"Сегодня перед обедом, после литургии, произошло чрезвычайное происшествие. Наместник при всех отчитал трудника Антония за то, что тот курил во время литургии. "Курение в монастыре во время литургии запрещено — говорил я это или нет? Я предупреждал, что курящий будет удален из монастыря?" Антоний согласился. "Антоний, ты обедаешь, собираешь вещи и покидаешь обитель". Отсутствие послушания быстро и жестко пресекается. Антонию нужно было ехать от Посольского до Зимы. Монастырь выдал ему сто рублей. Нужно было примерно втрое больше. Но для покидающих нормально, монастырь давал нормально". (Из дневника автора.)

2. Межепархиальные сети духовных отцов/детей по вопросу доступа к тем или иным ресурсам

Второй тип сетей — это сети, в узлах которых "размещаются" духовники и их духовные дети или бывшие послушники. Основа этой сети — или существующие, или существовавшие когда-то отношения послушания (если например, послушник или духовник переведен в другой монастырь). О сетях подобного рода писали и другие исследователи.

Посредством этих сетей проходят потоки тех или иных ресурсов, в том числе и хозяйственных. Соответственно, облегчается доступ к тем или иным ресурсам. А иногда, без сигналов с периферийных участков сети, попасть в центральный узел практически невозможно.

"Мне нужно было попасть в монастырь в Енисейске (Красноярский край). Из Москвы я дотуда не дозвонился. Зато на Байкале, в другом монастыре, я сошелся с одним из послушников и сказал, что дальше мне нужно в Енисейский монастырь. А, сказал он, к отцу Мифодию. Там строго. Ты просто так вряд ли попадешь. Почему? Они не очень пускают посторонних и очень строго у них. Там старец есть. Да, жалко, что же делать? Неужели никак, спросил я, и откуда ты его знаешь? Я был послушником в том монастыре, потом перевели сюда. Смотри — тебе надо поехать в Красноярск я тебе адрес дам. Надо найти отца Серафима, можешь сказать, что от Мелхисидека, он знает. Пусть он тебе даст благословение. А с ним уже поедешь к Мифодию. Иначе сложно.

К отцу Серафиму в Красноярске мне попасть не удалось. Где-то не пустили. А за тот срок, что у меня был на Красноярск, я поймать его не сумел. Соответственно, и в Енисейский монастырь я тоже не попал. И обследовал тамошнюю ситуацию извне". (Из дневника автора. Август 2004.)

Иными словами, чтобы получить доступ к духовному ресурсу, нужно иметь определенный социальный капитал, и накопить его можно при помощи коммуникаций, в которых задействуются отношения, описываемые категорией послушания.

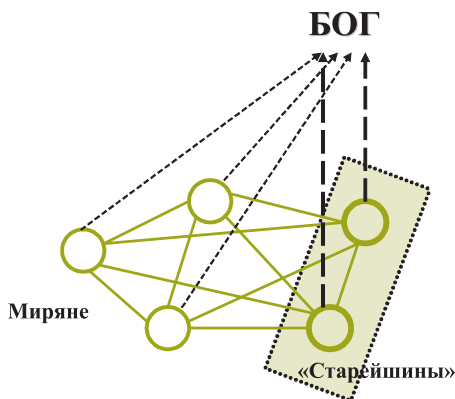
Как и в предыдущем разделе о мотивации хозяйственного действия, будет удобнее начать со схемы, распространенной в протестантизме (как бы ни велико было разнообразие деноминаций этого толка) и описанной М. Вебером. Эта же схема реализовывалась и старообрядческих общинах, особенно беспоповского толка [Хохлова, 1997].

Тип социальной сети, преобладающий в протестантских общинах, может быть описан следующим образом. Во-первых, все единицы (члены общины) имеют практически одинаковый формальный статус. Тем не менее среди них выделяется группа людей, имеющих относительно большее неформальное влияние. Например, старейшины или более опытные братья и т.д. Во-вторых, в классическом случае (а во многих протестантских деноминациях это сохраняется и по сегодня) люди сами выбирают себе старейшину и/или пастора. Иерархия ("церковно-священническая"), если она и есть, только рукополагает его (рис. 3).

Совсем иную картину представляет собой современная церковная община в православии. Во-первых, в ней пастора (священника) не выбирают. Его чаще назначают "на приход". Во-вторых, в общине священнический и дьяконский статусы сильно отличаются от статуса рядового прихожанина. Соответственно, отношения между прихожанином и священником (а тем более епископом или духовником, с одной стороны, и мирянином — с другой) описываются категориями смирения и послушания. Как следствие, схема коммуникации в православной общине имеет вид своеобразной звезды, где все точки связаны с центром, а часто связываются только через центр (рис. 4). На эту картину накладывается сеть коммуникаций священника. Так, человек может услышать об известном священнике или ему надо будет с кем-то поговорить о той или иной жизненной ситуации — и он идет к какому-нибудь священнику. Придя в храм, человек обращается к священнику (поскольку все вопросы в храме решает батюшка и без его благословения часто никто ничего не сделает). И уже потом священник перенаправляет его так же к другим или членам прихода или вообще к людям, которые "висят у него на контакте". А контакты священника отличаются от контактов

Рисунок 3.

Социальные сети в протестантской общине

обычного мирянина (количество контактов постепенно обеспечивает иное качество последних). Например, он может попросить какого-нибудь врача, который был связан с ним как-то, принять пришедшего человека (благословляет принять). Часто это сулит пришедшему человеку какие-либо льготы (хотя и не обязательно).

Точно так же по этой сети, через священника, ходят вещи⁶. Именно "своему батюшке" прихожанин дарит что-то на Рождество и тут же часто получает от него подарок в ответ. А его подарок уйдет следующему. Священник часто просто понимает, что все это не нужно ему в таком количестве, и раздает ровно так же, как и получил. Скрепляя тем самым сетевые связи и накапливая социальный капитал.

Для нас здесь важным оказывается опять-таки центральное положение священников в социальной сети, в системе. С одной стороны, священник обладает (если по личностным качествам священник оказывается "хорошим" человеком) уважением, статусом и любовью прихожан, с другой стороны, он обременен не только огромным количеством коммуникаций, но еще и оказывается перед лицом огромного количества вопросов, которые он должен решить или хотя бы переадресовать кому-то "по статусу". Поскольку он батюшка и на нем Божье благословение, сказанное им, и то же самое, сказанное несвященником, — это совершенно разные вещи (в монастырских общинах такое же положение занимает наместник монастыря).

Выводы

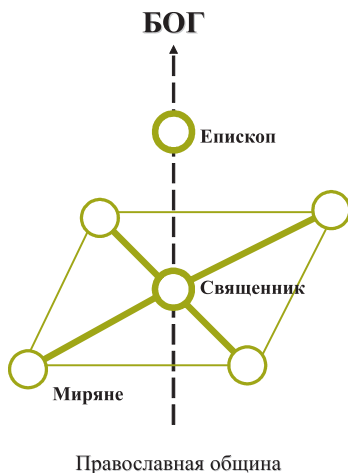
Резюмируем основные выводы данного исследования.

1. Основное содержание православной идеологии в части смысла хозяйства описывается следующими идеями.

Идея самообеспечения. Суть этой идеи состоит в том, что хозяйство оправдано тогда, когда оно обеспечивает выживание субъекта. На все то, что выходит за

Рисунок 4.

Социальные сети в православной общине

⁶ См., например, следующее воспоминание о старце Серафиме Вырицком: "Для множества страждущих отец Серафим был благодетелем, который не только поднимал упавших духом, но и помогал обрести средства к существованию своими практическими советами, устроиться на работу, а также и деньгами через добрых людей. Благодарно принимая пожертвования от посетителей, старец зачастую сразу же раздавал их тем, кто терпел нужду" [Филимонов, 1999. С. 104–105].

пределы этой нормы, нужно дополнительное моральное, этическое обоснование. Эта идея присутствует как на доктринальном уровне, так и на уровне отдельного хозяйствующего субъекта.

Тезис о любви к ближним. Основная максима этого тезиса состоит в том, что нравственно оправданной целью хозяйства может быть помощь ближнему. В разных источниках предлагается разное понимание категории "ближний". Иногда нравственно оправданной является помощь своему местному сообществу или даже региону. Но так или иначе, православный актор, получающий прибыль, всегда должен найти некоего "ближнего", которому необходимо "помогать". Результат труда не должен быть направлен только на себя (в частности, деньги не должны тратиться только на себя). Из имеющихся источников не ясно, как осуществить выбор между немедленной помощью ближнему и отдачей денег "в рост", с тем, чтобы укрепить производство и уже на следующем этапе осуществить требуемую помощь.

Идея нравственного совершенствования. Основное содержание этой идеи восходит к заповеди, данной Адаму при удалении из рая, — "в поте лица будешь есть хлеб свой". Православные авторы на основании этого считают, что труд — это естественное состояние человека. Поэтому человек, который отказывается от труда, грешит и нравственно деградирует. С точки зрения этой идеи "труд" является помощником "молитвы". На уровне отдельного человека труд смиряет плоть для того, чтобы она не мешала молитве. На уровне организационных образований труд заменяется хозяйством. При этом выделяются две группы людей: одна часть только трудится (хозяйствует), другая — только молится. И те, и другие знают о существовании второй части и обеспечивают ее существование: молящиеся — молитвой, трудящиеся (хозяйствующие) — трудом (результатами хозяйства).

2. Основное содержание хозяйственной *этики*, актуализирующейся в практике, описывается следующим набором категорий.

Для решения принципиальных вопросов православными акторами используются категории *Божьей воли* и *промысла Божьего*. Категория Божьей воли актуализируется в православном богословии при постановке и ответе на вопрос о роли человеческого действия в деле его собственного спасения. Православный ответ состоит в том, человеческая свобода, в том числе и свобода действия, — это реальная сила в деле собственного спасения (в отличие, например, от протестантизма, как он описан М. Вебером). Но поэтому основная проблема конкретного человека состоит в освоении собственной свободы и направлении собственной воли ко благу. Другими словами, православный актор должен вести себя так, чтобы его воля и воля Бога были сонаправлены. Далее православие "предлагает" действующему ряд практик, которые позволяют это сделать.

Основной такой практикой и, соответственно, категорией, которая эту практику описывает, является практика и *категория послушания*. Основная идея состоит в том, что если воля Бога всегда "правильна", то человеку лучше всего поручить себя этой воле и делать то, что велит она. Тогда две воли оказываются сонаправленными, и спасение достигается. На практике лучшими изыскателями Божьей воли являются люди духовно более опытные. Кроме того, таковыми считаются вообще люди, более опытные в любом деле. В том числе таковыми считаются и мирские начальники.

Далее делается еще одно важное утверждение. Оно состоит в том, что человеческое хотение, как правило, ведет к греху. Соответственно, если человек научится отрекаться от собственной воли, тогда он окажется на пути к спасению. В этой связи, многие православные практики становятся направленными на то, чтобы человек в любых ситуациях мог отречься от своей воли. Один православный монах как-то сказал: "Хочешь научиться послушанию, делай то, что говорит тебе ребенок. Будь по-

слушен ему в течение недели, и ты поймешь, что такое послушание". Следуя этой логике, в мирских практиках место более опытного человека занимает просто начальствующий. И какие бы странные вещи он ни требовал, православный актер должен быть "послушлив". Он может возразить, но если начальник не принимает возражения, православный человек должен *смириться* и исполнить все так, как ему велено.

Категория "смирения" описывает внутреннее состояние человека, который может наследовать спасение. Смирение достигается посредством послушания. Дать определение понятию смирения довольно сложно. По словам православных монахов, "в душе должен быть мир, чтобы ни случилось". Православные актеры легко узнают смиренного и смиряющегося человека по внешне-эмпирическим признакам и отличают его от несмиренного. Смиренный человек не возражает, не спорит, не оправдывается, все принимает, как будто так оно и есть. В том числе, например, принимает несправедливые оскорбления. Своеобразные "тесты на смирение" — это постоянная практика православных актеров, особенно в монастырях. Человек считается православным, и, соответственно, с ним можно иметь дело, если он "выказывает" смирение. При прочих равных, с "более смиренным" будут работать скорее, чем с "менее смиренным".

Еще одной важной категорией является категория благословения. "Благословением Божиим называется промыслительное действие силы, или благодати Божией, которым восполняются, обновляются и направляются ко благу и счастью жизнь, силы и действия созданий Божиих"⁷. В жизни благословение дает священник. Этим способом он дает разрешение на то или иное действие.

3. Нужно сказать, что из всех категорий две фигурируют как в идеологических обоснованиях хозяйства, так и в рекомендациях, даваемых в конкретных ситуациях хозяйственной практики. Это категории "самообеспечения" и "Божьей воли". Чем обусловлено такое положение этих категорий, мы на данном этапе исследования сказать не можем. Однако в остальной части хозяйственная идеология православия отличается от реально актуализированной практики хозяйственной этики. Возвращаясь к доминирующей в исследованиях православной этики хозяйства позиции, можно сказать, что она выстроена на базе скорее идеологических текстов и категорий. По итогам нашего исследования можно высказать и обосновать предположение о том, что реально использовавшаяся в хозяйственных практиках этика и хозяйственная идеология, зафиксированная в текстах, сильно различались.
4. Употребление основных категорий этики в конкретной хозяйственной практике и специфика ситуаций, в которых они употребляются, может быть описана следующим образом. Категория "Божьей воли" используется актерами в ситуации необходимости самостоятельного принятия решений. Православные актеры пытаются угадать, в чем состоит Божья воля, чтобы поступить в соответствии с ней. Несмотря на то, что есть ряд средств (послушание, благословление), которые дают образцы поведения в ситуациях подобного типа, тем не менее, существует значительная область для применения этой категории. Даже внутри монастыря (уже находясь на послушании) у трудников есть некоторое число ситуаций, где все-таки требуется их самостоятельное решение. Число таких ситуаций на порядок возрастает в миру. Мы не проводили полноценного обследования современной православной приходской жизни, однако те эпизодические наблюдения, которые были сделаны нами в некоторых московских приходах, свидетельствуют в пользу данной позиции.

⁷ См. подробнее: "О священническом благословении".
<<http://www.tserkov.org/documents/blagoslovenie.html>>.

Область применения категории "послушание" — это область делегирования ответственности и распределения работы.

Область применения категории "благословения" — это вопросы коммуникации двух лиц, из которых никто не является священником. Также это вся сфера деятельности, связанная с "разрешением" чего-либо. Изначально благословение призвано разрешать действие. На деле, его отсутствие останавливает всякое действие православного актора. Без благословения наместника в монастыре не должно совершаться ни одно действие. Поскольку в монастыре всегда один наместник (и часто на приходе один священник), практически все вопросы приходится решать с ним или с тем, кому это делегировано (по уставу) — например, с экономом. С одной стороны, это обеспечивает их центральное положение в узлах православных социальных сетей по разным внутримирским вопросам. С другой стороны, часто, чтобы выяснить или получить какую-то мелочь, приходится общаться с наместником, что сильно ограничивает и его временной ресурс, и временной ресурс приходящих к нему.

5. Подводя итоги, нужно еще раз сказать, что основным объектом наблюдения являлись монастырские общины. Фиксировалась их хозяйственная практика, на основе которой выделялись категории хозяйственной этики. Далее, в ходе исследования, на материалах православной литературы было зафиксировано, что "монастырские" категории являются ключевыми и в текстах, предназначенных для мирян. Мы выяснили, что авторы РПЦ, монахи и священники, описывают мирскую жизнь категориями, которые имеют хождение внутри монастыря. Таким образом, имеет место перенос "внутримонастырских" категорий в мир. Однако помимо простого переноса существует еще и некоторая специализация. Так, по итогам наблюдений в некоторых московских приходах, мы можем сказать, что монастырская категория "послушания" в миру имеет сильное подкрепление в виде категории "благословения".

Также в ходе нашего исследования было выяснено, что современные православные акторы используют этические категории, имевшие хождение в дореволюционный период. Однако основными источниками, вероятно, являются не жития древнерусских святых (на которые ссылается часть исследователей хозяйственной этики православия), а тексты авторов, живших непосредственно в предреволюционный период. Причем сами религиозные акторы (священники и монахи) видят разницу между текстами авторов этого периода и более древними работами. Основная причина выбора для чтения первых, как она называется респондентами, — "они (писавшие в XIX — начале XX в.) ближе и понятнее нам". На этом основании, мы можем сделать вывод, что использование житий в качестве основного источника для выяснения православной этики на данном этапе развития исследований затруднительно и неоправданно. Кроме того, выводы, сделанные по результатам анализа житийного материала, нельзя автоматически распространять на другие исторические периоды, в которые существовала православная этика хозяйства.

Помимо сделанного выше методического вывода, нужно сказать, что с содержательной точки зрения, использование категорий вековой давности (в первую очередь в текстах идеологии) затрудняет обращение к этим текстам. К тому же, значительная область современной жизни не подпадает под эти категории и оказывается вне регуляции православной церкви. Так, например, использование категории физического труда для разработки рекомендаций по всем вопросам современной хозяйственной и трудовой жизни заранее делает значительную часть этих рекомендаций трудноосуществимыми.

Таковы основные выводы, полученные в ходе нашего исследования.